

**Н. В.
УСПЕНСКИЙ**

Николай Васильевич Успенский

Поросенок

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2149585

Н.В. Успенский. Сочинения: М.; 2011

Аннотация

«Вот к слову пришлось, Аксинья Тихоновна, про воров-то... дом-от яма, гляди прямо... У одного мужика была лошаденка, лядащая такая: все, бывало, на огородах и днюет и ночует. Приходит к ней вор ночью. Видит, нечего взять, живот плетень плетнем, ног не волочет. Подумал маленьчко, да и говорит...»

Содержание

Николай Васильевич Успенский Поросенок

– Вот к слову пришлось, Аксинья Тихоновна, про воров-то... дом-от яма, гляди прямо... У одного мужика была лошаденка, лядащая такая: все, бывало, на огородах и днюет и ночует. Приходит к ней вор ночью. Видит, нечего взять, живот плетень плетнем, ног не волочет. Подумал маленечко, да и говорит: «Сем, штуку выкину», – и зажег ей хвост. Как ты думаешь?.. известно, лошадь со всех ног бросилась куда глаза глядят. Вор за ней, кричит: «Берегись!..» – а огонь так и развевается.

– Царь небесный!..

– Да-а-а!.. вот что делают озорники. Говорит пословица: «Кошке игрушки, а мышке слезки».

– Точно-с... точно-с... Что же, Федосья Николавна, лошадь-то жива осталась аль уж где?..

– Жива... поди! на другой день ноги протянула.

– Грех какой!..

– А вечер она убежала на большую дорогу. Там ее и нашли. Говорят, ехали о ту пору чьи-то господа, глядят: что за полымя такое?.. Верно, салом каким намазал, разбойник: долго горело... Это лошади господские как увидали, что

мчится огонь навстречу, так и бросились в сторону, насилиу кучер сдержал.

– Насилу сдержал... чего не бывает, Федосья Николавна, на белом свете! Я думаю, это все по злобе... Вот тоже, говорят, в Осинках, когда еще покойник был жив, мерина удушили...

– Воры?..

– Полагают, что воры. А вестимо, дело божие... под самый перемет подпихнули-с... вон как!..

– Э! не скалзубят ли, Анисья Тихоновна? вор скорейча сведет животину долой со двора, чем того...

– Думают, так точно сделалось... иначе кто знает? А вот, Федосья Николавна, я вам расскажу сущую правду про вора... Со мной случилось... Только никакой особенности не было... украл, и вся недолга... про поросенка-с... Ей-богу! Сказать?..

– Ну-ко, ну-ко... я послушаю.

– Извольте послушать. Знаете, у меня прежде, при покойнике, существовали свиньи, то есть как снег белые, – господь с ими, – таких завсегда поросят жаловали, что ни на есть самых лучших: с дивушки дашься; провалиться, не вру...

– Я помню...

– Право-с. Теперь, стало быть, поехала я, осенью, поросят продавать в город В... я, и Агап мужичок со мной... поросятенок пяток всего взяли. Вот, мать моя, приехатчи в город, сейчас остановились на хлебной площади. А народу там,

знаете, в базарный день бесчисленное множество-с... додору нет¹. Вы, чай, бывали там?..

– Как же, бывала.

– Хлебушек продавали-с?

– И хлебушек продавала, и по разным оказиям всяческим...

– Так извольте видеть: остановились мы на площади, отпрягли лошадь. Агап мне говорит: «Анисья Тихоновна! я пойду ведерочек купить». – «Поди, говорю, поди купи». Он и ушел. – Слышите? осталась я одна: села на телеге с плетушкой и сiju с поросятами. Вокруг меня эвто торговки всякие с пирогами, с грушей горячей, мужики, купечество разное, с посудой, кто с чем. Я взяла подтыкала платье-с и села, ожидаю покупателей. – Вскоре, сударыня ты моя, подходит ко мне купчик молоденький такой, щеголек, подходит и спрашивает: «С какими товарами?» – «С поросятами», говорю. «Покажи». Я открыла плетушку. Он вынул одного и осведомляется касательно цен. «Как цена?» – «Без лишку: полтора рубля». – «Таких, говорит, цен нонеча не бывает, а ты скажи настоящее». Я говорю: «Уж для почину, так и быть, рубль с четвертью». Он вынимает кисетик и выкладывает мне. Пересчитала я, «так точно-с», говорю, и перекрестилась. Подходит другой покупатель, также полюбопытствовал товар, спросил цену и отдал денежки. Гляжу-с, идет третий, Федосья Николавна. Идет в синей поддевке, худощавенький,

¹ *Додору нет* – то есть тесно, не продерешься к возам на базаре.

на лице у него шов. А глядеть; честный. Право-с. Как раз подходит и осведомляется: «Почем поросята?» – «Рубль с четвертью». Знакомых же, сударыня моя, вокруг меня никого нет. Засим говорит такие речи (прасол² он, что ли, какой): «Держи гривенник задатку, остальное сейчас принесу». И пошел. Я сижу. Годя немного, друг ты мой, вижу, он идет обратно. – «Что, цел, говорит, поросенок, которого я торговал?» – «Цел, милый человек; как давича двоих продала, только и есть, oprичь никто не брал». – «А цел гривенник?» – «Цел-с», – и показала ему в горсти гривенник. – «Дай его сюда, отвечает он мне, я тебе огулом все деньги отдам». Я отдала. Полез он после того в плетушку, выбрал поросенка, вытащил его за заднюю ножку и несет... сам удаляется от меня... Я кричу: «Сударь! почтенный человек! куда вы?.. деньги пожалуйте!..» Он издали вопиет: «За мной иди, за мной, дома отдам». В одну минуту нырнул в народ и исчез, аки прах какой. Что делать, Федосья Николавна? как быть?.. поросят бросить не на кого; бежать вслед ему не приходится: товар весь растаскают. Я кричу: «Ах, батюшки, заступитесь за вдову: поросенка унес один человек». Подвернулся тут какой-то мещанин, спрашивает меня: «Чего ты, говорит, тетушка?» Я: «Так и так, поросенка унес один человек, я его совсем не знаю». Он говорит: «И я не знаю», – и отошел. Потом подходят ко мне, сударыня ты моя, два молодых

² *Прасол* – торговец или маклер, посредник между базарным продавцом с возу и местным скупщиком.

юношей, обнявшись промежду собою, и спрашивают: «Что ты кричишь, тетенька?» Я отвечаю: «Покража, голубчики мои, сотворилась; не знаете ли сего человека? в синей поддевке?» – «Э! говорят, у него рубец на щеке?» – «Так, так, рубец...» – «Нет, говорят, не знаем», – засмеялись и ушли.

– Бедовые!.. тут держи ухо востро да востро: с ног смотают, – женское дело...

– Именно с ног смотают, мать ты моя родная...

– Ты бы жаловаться скорее... чего ж смотреть?

– Вот-с извольте дослушивать, Федосья Николавна. Я, конечно-с, намеревалась жаловаться. Ведь вы сами посудите: мое дело вдове, – кто мне что припасет?.. Следственно, сами рассудите, по-божьему... Приходит Агапушка с ведерками. Я ему сказываю: «Как нам, Агапушка, быть? – рассказываю ему все, – примета, дескать, такая-то, в синей поддевке...» Только что вы думаете? А Агап его знает... «Эвто, говорит, Анисья Тихоновна, прощальга надменный, ибо всем известный; я его и дом знаю». Как раз, значит, уложил ведерки, перепоясался и пошел к нему на дом. «Одначе вряд ли мы, Анисья Тихоновна, разыщем», – объяснял он мне таким манером. «Почему?..» – «Так как он есть вор, по этой причине вора изловить трудно». – Но я доказала ему: «Ты хоть посмотри сходи, поросенок с приметой: правое ушко сечено и хвостик в дегтю...» Затем Агап приходит туда, всходит в горницу, сидит хозяйка, что-то работает; а поросенок по полу ходит... Слышите? дай бог исчезнуть, не лгу... ходит,

вот как есть ходит, похрюкивает себе полегонечку... Примерно, Агап ведет такие речи с хозяйкой:

– Здравствуйте, матушка. Где ваш супруг?..

– Тебе на что?

– Да дельце есть.

– Мой супруг на торгу...

– На торгу... А я у вас поросенка возьму. Почему возьму?.. потому что он наш собственный...

– Не смеешь брать, его мой супруг купил.

– Нет, не супруг; а в спасов день³ его нам законная свинья пожаловала. Следственно, я должен взять.

– Ступай вон, – говорит, – мужик. Ты, – говорит, – сам свинья, рыло нечесаное.

Агап приходит и докладывает: не дает поросенка. Вот тут, Федосья Николавна, я встала и говорю: «Агапушка! покар-ауль, голубчик, поросят, видно, сидемши-то, ничего не высидишь; что будет, то будет, иду к купеческому голове». А сейчас помереть, ни за тысячи рублей не пошла бы жалиться, если бы голова не был мне знаком; то есть я, сударыня ты моя, теперича порешусь на какое другое дело, опричи жалобы. Истинно справедливо говорю. Всегда дрожмя-дрожу, как злодейка какая, ежели придется что касательно начальства. Такой характер. – У Агапа же я не забыла спросить дом того человека... недалеко от площади он... такой низенький...

³ Спасов день – имеется в виду, вероятно, так называемый спас первый (1 августа по ст. ст.).

А купеческий голова знаком мне по тому случаю, что я брала у них в лавке, что требовалось; покупала, значит, харчи всякие, ни у кого больше, только у них. Прихожу. Он собирается куда-то идти и встретил меня уже на лесенке.

– Здравствуй, Анисья Тихоновна, – говорит он мне.

– Здравствуйте, батюшка Прохор Антипыч.

– Что ты?..

– Заступись, отец родной: поросенка украли.

– У тебя украли?

– У меня, Прохор Антипыч.

– Как так?

– Сижу я на торгу с плетушкой; подходит человек. «Почем поросята?»... – и все подробно описала.

– Давно? – спрашивает он меня.

– Недавно-с...

– А как недавно?..

– Не могу вам подлинно рассудить, только очень недавно.

– Посиди, – говорит, – здесь. Я собрался по одному делу к его высокородию тутошнему городничему, потолковать с ним о важной материи, так намекну ему и про твою покражу. Поди сядь, – говорит. Я вошла в лавку и присела там. Городничий же как есть, мать моя, жил насупротив Головина дома – рукой подать... Пошел он, а у меня сердце так и замерло... Ну, да потребуют к городничему?.. что я могу сказать ему с своим бабьим толком?.. трясусь, точно самодерга

какая. Глядь, вижу, Федосья Николавна, действительно входит в лавку солдат, возглашает:

– Кто здесь женщина?..

– Я, милый человек.

– Вы просительница? – Я просительница.

– Пожалуйста к городничему.

– Ну! иду, голубушка ты моя, иду... ногами совсем не обладаю... ступить не могу... Дорогой служивый меня спрашивает:

– Относительно поросенка дело затеваете?

– Относительно поросенка-с... После этого я ему:

– Научи ты меня, господин служивенький, как, примерно, объясняются супротив городничего? как его величают?

Он сказал:

– Говори: ваше высокородие, да смотри в ноги не забудь шаркнуть⁴.

Всхожу в палаты, стою у двери, жду, а сама, родная ты моя, перед господом богом щепчу про себя: «Помяни, мол, царя Давыда и его кротость; помяни царя Давыда и его кротость...» Вдруг из дальних покоев грядет он ко мне в шелковом, матерчатом таком балахоне, с трубкой; эвтак из-за пазушки крестик виднеется. А за ним, мать моя, голова, почтительно сложимши руки за спину. Подходит.

– Ты просительница?

– Я, ваше высокородие... Сама в ноги.

⁴ *Шаркнуть* – здесь: поклониться в ноги.

– Встань, – говорит. Я встала.

– У тебя поросенка украли? – Каким манером?..

– Так и так, ваше высокородие... сижу с плетушкой на хлебной площади, жду покупателей, – и все расписала... а у самой в глазах такие нешто огоньки, беда-с... Что с моей натурой делать, Федосья Николавна? Намесь, ей-же-ей не лгу, старшины в церкви испугалась: «Передай, говорит, свечку Смоленской», – и толкает меня; всполошилась ужась как... Даже он заприметил; опосле выговаривает: «Чего ты, говорит, взбеленилась, дурища этакая!»

Дальше-с, городничий, выслушавши меня, подумал и пошел в комнаты. Я стою у двери. Выносит мне, государыня моя, купеческий голова писульку и гласит: «Ступай к квартальному во вторую часть на Пощечинскую улицу». Потом сам городничий кричит мне: «Сходи, тетенька, с моим солдатом, он тебе укажет дом». Я и побрела. Солдат со мной. Идем да поговариваем, беседуем, дорогой-то. Разговорились. Слово за слово, мать моя, он и держит такие слова: «Не тужи, сердечная! поросенок теперича отыщется, ежели милость твоя будет пожаловать мне на полштоф...» Конечно-с, совестно было отказать. Деньги я, Федосья Николавна, завсегда при себе находила; ибо, знаете, дело мое вдовье, неравен всякий случай может случиться... дала ему. Он то есть зашел, выпил; скоро управился. В это самое время зазвонили к вечерне. Дом у квартального такой особенный, деревянный; отдельно стоит на пустыре; на воротах ле-

жат хищные звери, зеленой краской выкрашенные. Недалече будка-с. Ну-с, вот мы входим в хоромы самые. У двери стоит солдат, вычищает платье. Он обращается к нам:

– Что вам угодно?

– Доложите, – говорю, – вашему барину, – и подаю записку.

– Касательно чего потребствие имеете?

– Касательно поросенка-с... так и так.

Он пошел и доложил про нас. Квартальный выходит с стаканом чаю в руке и с моей записочкой. Читает. Прочитал и говорит:

– Ты просительница?

– Я-с, ваше высокоблагородие.

– У тебя поросенка украли?

– У меня-с.

– Что же, ты хочешь найти его?.. Поди-ко сюда в комнатку, потолкуем о твоём деле.

Поставил стакан на прилавочек в прихожей и ведет, голу-бушка ты моя, меня в махонькую каморочку, тут и есть направо. Запер за мною дверку и вопиет:

– Ты как смеешь беспокоить городничего? а?

Я так с испуга и раскисла. В глазах, верите богу, вот как замутошилось, что квартального из виду потеряла.

– Да говори: почему ты беспокоила городничего? почему не обратилась ко мне?

– Ваше высокоблагородие, – говорю, – я и не ведала да-

же, где городничий жительствоует, и не думала к нему ходить. Первоначально я осмелилась утруждать купеческого голову.

И слышать не хочет; шумит:

– В часть тебя, дрянь такую... в часть запру... эй! солдаты!..

– Батюшка! помилосердствуйте... что хотите с меня извольте взять, только избавьте муки... все возьмите...

– Да что с тебя взять-то, с пасквили?

– Вот целковый...

Он протянул руку... и отворил дверь.

– Смотри, – говорит, – ежели ты теперича когда вторично будешь жаловаться городничему, я с тобой не расстанусь так.

– Не буду, – говорю, – никогда... Слава богу, отлегло от сердца.

– Как же, – спрашиваю, – ваше высокоблагородие, относительно поросенка, прикажете уйти мне?..

– Сейчас, – говорит, – со мной пойдешь вместе.

Ну, думаю, Федосья Николавна, не чаяла вживе остаться... такой характер заноза у меня...

– А знаешь, – спрашивает он, – дом того человека, что унес у тебя поросенка?

– Знаю-с. Недалече от площади.

В скором времени мы пошли с хвартальным; вдобавок с нами два солдата идут. Только что мы, сударыня моя, приходим к тому домику, крохотный такой, и идем прямо в покои; хвартальный упереди. Видим: на лавочке сидит женщи-

на, вяжет чулок; вокруг ее никого нет. Сейчас хвартальный вскинул взорами и спрашивает:

– Где твой муж?

Она поднялась, обдернула фартук и гласит:

– Мой муж на работе-с.

– На какой работе?

– Канаты сучит.

– В каком месте?

Она маленько подумала и доложила:

– В Грязной улице, у своего хозяина.

– Ты врешь? – сказал хвартальный.

– Никак нет-с. С мальства не училась этому делу, чтобы врать...

Хвартальный обернулся и повелел солдату сходить в Грязную улицу и разведать все. Мы стоим, ожидаем. Хвартальный сел, закурил пипочку такую, а сам ни слова. Солдат приходит уж долго годя.

– Что?..

– Да что, хозяин говорит, у меня его нет. Я не знаю, что за человек такой есть.

Хвартальный как разозлится, милая ты моя, только нешто зубами поскрыпел.

– Я тебя попотчую, – говорит он ей на прощанье, как совсем выходил.

Вся причина, поросенка не отыщем никак.

– За мной идите, – говорит хвартальный.

Мы пошли. А уж, Федосья Николаевна, становилось поздно. Куда ведет, в толк никак не возьму. Сердце у меня не на месте. Думаю: «Как Агап на площади? чего доброго, не растаскали бы последних...» Вот-с идем из одной улицы в другую, как повернем за угол, так хвартальный обращается.

– За мной идите. – И все дальше да дальше.

Очутились мы перед чистеньким домиком. Хвартальный остановился у калиточки и начал дергать за веревку... зазвенел колокольчик... Калиточка отворилась, и показался кто-то с надворья. Он спросил: «Дома?» – и ушел туда. Слышите? Ждем, сударыня ты моя, после этого; проходит с час времени, ничего нет, проходит другой, мы разговариваем: «Что, мол, такое значит?»

Солдаты мне объясняют:

– Он еще долго не воротится. Ежели уж засиделся на месте, то скончания не будет сиденью...

– Как же, служивенькие, так?

– Да так. Не будет ли вашей милости пожаловать нам на полштоф, а то нам пора отправляться...

– А я-то, господа квалеры, с кем останусь? Теперича я и дороги не найду.

– Ас нами же, – говорят, – и останешься, ежели пожертвуешь опохмелиться... Мы даже проводим вас после таких делов...

Размышляю в своем разуме: «Надо дать!.. что, как за правду они уйдут?..» Дала. Вторая причина, отказать не при-

ходится, взяла и дала. Недалече, сударыня моя, тут был кабачок... Я осталась у калитки, стою. Солдаты вышли скоро. Глядим, выходит с надворья хвартальный, смотрю – за ним другой, тоже хвартальный, стало двое их. Теперь, Федосья Николавна, милая ты моя, тот, что с нами был прежде, сделался хмелен, а другой нет: не совсем чтобы хмелен. Хмельной идет да покачивается и называет другого своим приятелем. Другой отвечает только: «Спасибо», – говорит... Захмелявший шумит: «За нами идите!» – и все шатается... А тот глаголет ему. «Нехорошо, говорит, не качайся!..» Таким манером, сударыня моя, мы идем. Солдаты ведут речи промеж себя, что хмельной хвартальный, когда тверезов, дока бывает... на все дела мастер... Только что как выпьет, нехорош делается... Приходим, мать моя, к прежнему дому, где ворто жительствовавал; всходим. Опять его хозяйка сидит, чулок вяжет. Сию минуту тверезой хвартальный обращается не к ней, а ко мне:

– У тебя поросенка украли?..

– У меня, ваше высокоблагородие.

– Кто, – говорит, – видел твоего поросенка в этом самом доме?..

– Мой Агапушка, – говорю...

– Позвать!..

Я как раз отправляюсь с одним солдатом за Агапом на площадь и больно уж рада, что по крайности узнаю, как он там, сердечный, справляется? Дорогой, Федосья Николав-

на, – что вы станете делать? – солдат опять просит опохмелиться. Ну, уж тут я ему прямо сказала: «Ты, мол, голубчик служивенький, посмотри, сколько у меня деньжонок осталось? на, пожалуйста, посмотри: всего, вишь, навсего три четвертака». Он отвечает: «Ну не надо!.. главное дело, говорит, я так спрашиваю: дескать, нет ли опохмелиться?» Ну приходим мы на площадь; стало темненько; вижу – вдалеке сидит, Агапушка, ждет... никого нет на площади. Подхожу, смотрю, поросят всех раскупили... ну, слава богу!.. «Пойдем, говорю, Агапушка, к хвартальному»; сели на телегу и подъехали к тому дому.

Спрашивает хвартальный Агапа:

– Ты тут видел поросенка?

– Тут-с, как же не тут, когда наш поросенок меченый, хвостик в дегтю и прочее...

Потом говорит хвартальный супротив хозяйки:

– Ты что ж говоришь, анафема, что у тебя не было поросенка?

А хмельной хвартальный себе:

– Ты что ж, анафема, разговариваешь, будто у тебя нет поросенка?.. В часть ее! эй!..

Но тверезой отвечает ему: «Не кричи, говорит, нехорошо!..»

Хозяйка же только твердит: «Знать не знаю, что есть за поросенок такой на свете». Бились, бились! вдруг хмельной хвартальный подходит ко мне и спрашивает:

– Да ты что ж, говорит, дурища, молчишь? а? Я за тебя стараюсь, шумлю здесь от души сердца, а ты не разговариваешь?..

А тверезой на Агапа:

– Ты врешь, дурья порода! ты здесь и не был.

– Как не был?..

– Я тебе говорю, что ты не был... ты послушай меня, что я говорю: ты не был!..

– Нет, я был...

– Врешь!..

Да как пошли, как пошли... батюшки!..

– В полицию вас всех, – кричат.

А хмельной хвартальный объясняет мне:

– За водкой надо посылать!.. Ты у меня не размышляй, а дело делай. Я тебе сказываю так точно... чтоб в акурате водка явилась...

Только после таких разговоров, голубушка моя, окончилось тем, что поросенка так-таки не разыскали (вор – бедовый). Хвартальные же между тем сказали друг другу:

– Пойдем в трахтир, их сам шут не разберет!.. И пошли. Мы постояли маленько и себе пошли. Жалко поросеночка-то... право слово... как налитой, господь с ним!.. сама три недели кормила...